

Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка)

Политические события, связанные с борьбой за власть в современной России, захлестнули, отодвинули в тень все остальное, особенно на страницах прессы и телевидении. Все же жизнь не позволяет забыть о себе. И среди ее реальностей в числе первых нужно назвать судьбу аграрной реформы, начатой в декабре 1991 — январе 1992 г.

Многое казалось достаточно ясным, особенно когда речь шла о прошлом. Процесс деколлективизации начался всюду, где имела место коллективизация, и какие бы нарекания ни вызывали намерения и практика реформаторов, слом коллективного земледелия казался неотвратимым, а сопротивление ему — обреченным на поражение. Немало говорилось о возрождении крестьянства и как социального слоя, и как образа жизни. На это была направлена и идеологическая подготовка реформы: коллективизация была раскрестьяниванием, деколлективизация будет окрестьяниванием деревни.

Прошло немного времени, и оказалось, что все невероятно усложнилось, ясное стало весьма туманным, ожидаемый ход событий прервался и, может быть, надолго. Общество в целом вдруг осознало, что начатая полтора года тому назад аграрная реформа провалилась. Крестьяне не только не воспользовались правом выхода из колхозов и совхозов с землей и хозяйственным имуществом, но, напротив, оказали открытое сопротивление разрушению крупного общественного производства, увидев в этом полное и окончательное раскрестьянивание. Возникшие в небольшом числе частные хозяйства совсем непохожи на фермерские и не стали реальной альтернативой колхозно-совхозному производству. Однако провал аграрной реформы отнюдь не означает, что ее результаты ограничиваются малым удельным весом частных форм производства. Разрушительным оказалось ее воздействие на сельское хозяйство в целом.

Новая аграрная реформа названа демократической, однако с самого начала ее практического осуществления она приняла характер бюрократической "революции сверху", призванной в течение одной

зимы сменить социальные формы сельскохозяйственного производства в огромной стране.

Можно было бы с горечью иронизировать по поводу тяготения над российским крестьянством злого рока зимних месяцев — от декабря до марта. В самом деле, в декабре 1918 г. Всероссийский съезд земельных работников провозгласил лозунг коллективизации крестьянских хозяйств. Энтузиасты коллективного земледелия попытались претворить его в жизнь, не останавливаясь перед "некоторым революционным принуждением". Ответом были крестьянские восстания. В марте 1919 г. прозвучало ленинское требование "Не смей командовать!". Насилие было осуждено. Пришло понимание, что лишь те изменения в жизни деревни ценны и правомерны, которые осуществляются самими крестьянами в собственных интересах.

Казалось, что уроки декабря 1918 — марта 1919 г. должны оградить деревню от нажимно-административных реформ в дальнейшем. Однако прошло каких-то десять лет — и 27 декабря 1929 г. провозглашается курс на сплошную коллективизацию и раскулачивание. Практика сплошной коллективизации в январе—феврале 1930 г. вызвала такую волну протеста (вплоть до восстаний), что в марте пришлось "пробить отбой", свалив всю вину за "перегибы" на местных чиновников. Правда, с января 1931 г. насильственная коллективизация вновь становится официальной политикой, осуществляемой как "революция сверху" уже до полного завершения.

Новая — антиколхозная — аграрная реформа также началась со взрыва бюрократического экстремизма, вновь предпринимающего одну за другой "зимние атаки" на мужика. 27 декабря 1991 г. появился президентский указ "О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР", которым предписывалось колхозам и совхозам до 1 марта 1992 г. принять решения о замене общественной собственности на землю на частную в любой ее форме — индивидуальной, кооперированной или акционерной... Волна крестьянских протестов (к счастью, не поднявшаяся до уровня восстаний) и на этот раз заставила пересмотреть отведенные сроки и даже разрешить (!) колхозам и совхозам сохранить по воле трудовых коллективов свой правовой статус до следующей зимы. Как видим, за случайным совпадением дат кроется нечто совсем не случайное.

Зима 1992—1993 гг. должна была стать решающим этапом аграрной реформы. 13 января 1993 г. газета "Известия" опубликовала короткую статью с длинным, но очень выразительным заголовком — "Последний месяц, когда крестьянин еще может сделать выбор: стать хозяином земли или отказаться от этого права". Статья объявляла начало новой зимней атаки на крестьянина. В ней напоминалось, что срок для "переоформления документов на землю" закончился в ноябре 1992 г., что продленный Верховным Советом срок истекает 1 февраля 1993 г. и, следовательно, у крестьянина "остаются считанные дни". Гамлетовский вопрос "быть или не быть" поставлен перед крестьянином с предельной остротой. Колхозные и совхозные коллективы,

отказавшиеся "принять от государства землю в собственность" и на этом прекратить свое существование, пожинают "последствия такого решения" — три удара и "еще один парадокс". "Первый и наиболее сильный удар — по пенсионерам" — они "навсегда лишаются права на земельную собственность", а могли бы стать "владельцами солидного капитала"; "второй удар — по работникам социальной сферы села" (учителям, врачам и др.), чей "отказ от раздела земли" означает потерю права "стать владельцами земельного капитала"; наконец, "третий удар — по самим работникам колхозов и совхозов", которые без "перерегистрации своего статуса" и выделения земельно-имущественных паев теряют все, ибо, "если пая нет, то его ни наследовать, ни арендовать, ни продать, естественно, нельзя". "Парадокс" же, оказывается, состоял в предупреждении: "Не придется ли в скором времени тем, кто отказывается ныне от собственности, выкупать ее у государства?" Парадоксальной глупостью колхозников объявлялось их непонимание главного смысла реформы: сохраняя "свой прежний статус, [они] обрекают себя на положение наемных работников". (Словно "земельный капитал" навязывается пенсионерам, учителям, врачам, работникам колхозов и совхозов не для того, чтобы они быстро его утратили и превратились в наемных работников, безработных, нищих и т.п.!) Статья завершалась грозным предостережением: "Идет последний месяц реорганизации. Еще не поздно одуматься (!!!) тем, кто принял ошибочное решение".

Открытое давление на работников сельского хозяйства, прямая угроза беспощадного обезземеливания тех, кто еще не "одумался", само по себе обнаруживало сущность развертывающейся в постсоветском обществе земельной реформы, подчиненной задачам первоначального капиталистического накопления и проводимой средствами традиционного бюрократического радикализма.

Оригинальной, пожалуй, является лишь перемена оценки роли местных руководящих работников: на этот раз их обвиняют не в "перегибах" правильной политики, а в организации "сопротивления" ее осуществлению.

Публицистическая атака на колхозно-совхозное руководство началась еще в 1989—1990 гг., когда их окрестили "новыми помещиками", всеми силами сопротивляющимися выходу крестьян "на свободу". Ниже мы еще остановимся на вопросе о действительной роли управленческого слоя деревни в современной аграрной реформе. Здесь же отметим, что поведение колхозно-совхозного руководства предопределялось их положением в административно-командной системе государственного управления. Колхозы, не говоря уже о совхозах, с самого начала 30-х годов не были самоуправляющимися, подлинно демократическими, хозрасчетными организациями, поскольку над ними всегда довлели государственные задания (как бы их ни называли: поставки или заказ) в сбыте продукции, "диктатура" промышленности в снабжении средствами производства и т.п., вплоть до указаний сверху "что, сколько и когда" сеять и убирать. Председатели

колхозов и директора совхозов были прежде всего государственными чиновниками, выполняющими государственные предписания. Однако среди них и тогда было немало людей, кровно связанных с деревней, осуществлявших и защищавших (насколько это было возможно) ее интересы. Не случайно, конечно, что с началом деколлективизации слой колхозно-совхозных руководителей стал быстро расслаиваться на "прихватизаторов", использующих служебное положение в корыстных целях, и тех, кто пытается спасти сельское хозяйство от полного развала.

Особого внимания заслуживают раздраженные инвективы по поводу инертности и консерватизма деревенских масс, противящихся новому, прогрессивному. Сердитый отклик "Одумайтесь!" лишь один из многих. Здесь мы сталкиваемся прежде всего с нежеланием понять состояние, интересы и возможности реформируемой социальной среды.

Неблагоприятные социально-демографические сдвиги, связанные с десятилетиями грубого подчинения сельского хозяйства интересам промышленности, привели к чрезмерной и уродливой урбанизации, к запустению и исчезновению сотен и тысяч деревень, к нарушению нормальной поло-возрастной структуры оставшегося сельского населения, прежде всего к его резкому постарению. Поэтому для всего Нечерноземья и многих других районов России одним из условий успеха аграрной реформы, направленной на возрождение и подъем сельского хозяйства, становится содействие обратной миграции из города в деревню той части населения, которая не утратила интереса к сельскохозяйственному труду и проявляет готовность возвратиться к нему.

Результаты первых социологических исследований хода аграрной реформы показали, что почти 2/3 первых индивидуальных хозяйств были созданы горожанами, однако среди них оказалось очень мало "идеалистов-возрожденцев", решивших вернуться к сельскохозяйственному труду и сельскому образу жизни. Основная их масса представлена "фермерами-коммерсантами" и "фермерами-предпринимателями". Для первых собственное сельское хозяйство — "лишь форма обретения высоких доходов за счет посреднической и другой неаграрной деятельности". Сельскохозяйственная деятельность вторых целиком ориентирована на наемный труд и чаще всего не связана с переездом на жительство в село. Обе эти группы отличаются быстрым обрастанием привилегиями, тесными связями с местной администрацией, нечистоплотными доходами, хищническим отношением к земле и т.п. Все это приводит, как правило, к острому конфликту их с местным населением*.

Судьбу аграрной реформы решают собственно сельские жители, прежде всего работающие в колхозах и совхозах. Именно их настроения и поведение решают судьбу аграрной реформы. На их плечи пали все трудности и неурядицы в развитии советского сельского хо-

* *Староверов В.И.* Современное российское крестьянство и фермерство. — В кн.: Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 169—175.

зайства, все беды и проблемы деревни. Прежде всего их нужно понять.

За 60 лет абсолютного господства крупного колхозно-совхозного производства сменилось 2—3 поколения его работников. "Универсальный" крестьянин, осуществлявший своими руками весь производственный процесс и несущий ответственность за конечный результат хозяйственной деятельности в целом, успел превратиться в "частичного рабочего" крупного производства, который выполняет лишь те или иные виды работ. Знание этого производственного процесса на профессиональном уровне стало функцией образованных специалистов (агрономов и др.). Поэтому не следует объяснять пассивное отношение деревни к созданию хозяйств фермерского типа нежеланием по-настоящему трудиться или боязнью раскулачивания. Главное здесь — незнание на профессиональном уровне производственного процесса в целом и неспособность силами современной семьи (измельчавшей и усеченной) выполнить весь цикл необходимых работ. Конечно, есть и в современной деревне "мастера на все руки", которые уже сейчас могут вести хозяйство собственными силами. Но мы говорим об основной массе работников.

Неизмеримо более активный интерес к организации частных форм хозяйства в деревне проявили специалисты и руководящие работники колхозов и совхозов. Им и принадлежит главная роль в приватизации сельскохозяйственного производства. Два качества объясняют их роль: во-первых, относительно высокая профессиональная подготовка, наличие чаще всего сельскохозяйственного образования, знание общей экономической и производственной ситуации не только в колхозе и совхозе, но и в районе, области и т.д.; во-вторых, личная включенность в систему административно-хозяйственных связей, наличие личных контактов с работниками кредитных, снабженческих, ремонтных и других подобных организаций и учреждений. Ни теми, ни другими качествами не обладают рядовые колхозники и рабочие совхозов. В руках специалистов и руководящих работников оказалось 4/5 кредитов, выделенных в 1992 г. на организацию фермерских хозяйств.

Принципиально различны возможности незаконного присвоения земель и имущества у рядовых работников и у бюрократии. Журналистское расследование тамбовского скандала обнаружило, что весной 1992 г. областная администрация на уровне представителя российского президента и его ближайшего окружения, а вслед за ними и районные власти незаконно выделили и присвоили (оформив соответствующие постановления и акты) плодороднейшие участки из колхозных земель и принудили колхозы обрабатывать эти участки, а полученный с них доход перечислять на счета новых "фермеров" (речь идет о сотнях тысяч и миллионах рублей)*.

Нет никаких оснований полагать, что речь идет о "частном случае". Напротив, "случай" выплеснул на страницы газет сведения о

* *Кожсемяко В.* Номенклатурные фермеры // Правда. 1992. 26 декабря.

типичном поведении чиновников времен первоначального капиталистического накопления. Эта особенность современной аграрной реформы обнаружилась сразу же после президентского указа от 27 декабря 1991 г. Пресса негодовала по тому поводу, что в пригородах Оренбурга за несколько недель чиновники ликвидировали работавшие совхозы, поделив их земли на дачные и "фермерские" участки. В 1993 г. даже газета "Известия" оказалась вынужденной осуждающе высказаться о чрезмерных масштабах "перелива власти в собственность", когда некий районный администратор в Нижегородской области выступает как "разрушитель не только колхозов, но общественной морали", отождествляя своей деятельностью "рынок с беззаконием и безнравственностью"... Нижегородский губернатор Б.Немцов — прославленный в прессе реформатор — взял этого деятеля под защиту — ибо он "развивает фермерство... Конечно, участие в фермерских делах его родственников создает некоторую напряженность, хотя формально нарушений нет. Есть жизнь и есть законы. Для людей, оказывается (?!), нравственные принципы иногда более значимы, чем законы. Но... я не могу руководствоваться чисто нравственными соображениями. Не могу, и все". Фигуры этих администраторов стали типичными для современной России, и праворадикальная газета покритиковала их лишь постольку, поскольку на референдуме в апреле 1993 г. население управляемого таким образом района решительно высказалось против Ельцина и ельцинских реформ*.

Первые же шаги аграрной реформы показали ее использование аппаратом управления в собственных интересах. Аппарат с успехом реализует свою монополию на управление экономикой и на систему общественных связей в целом — ту монополию, которая была основой командно-административной системы и которая сохраняется ныне.

Из сказанного следует, что аграрная реформа, призванная создать условия для подъема сельскохозяйственного производства на основе свободного и эффективного труда, должна начинаться с предоставления *подлинного самоуправления* трудовым коллективам работников колхозов и совхозов и *подлинной свободы выбора* хозяйственных форм (без угрозы обезземеливания, если не поторопятся "одуматься"!)). До тех пор, пока труженики сельского хозяйства не вступят в *свои права* (признаваемые и советским правом) и не станут *сами решать*, что, как и когда делать, до тех пор реформа будет проводиться в порядке "революции сверху", а в ее осуществлении решающая роль будет принадлежать аппарату управления с его корыстным интересом и пристрастием к команде и нажиму.

Вопросы аграрной реформы, ее задач и способов проведения активно обсуждались и в широкой прессе, и в научных учреждениях, и в специальных комиссиях на протяжении 1990—1991 гг. При этом с достаточной убедительностью говорилось об отсутствии современной техники для индивидуально-семейных форм сельского хозяйства фермерского типа, об отсутствии необходимой инфраструктуры, осо-

* Максимова Э. Кость, которую хватает сильнейший // Известия. 1993. 7 августа.

бенно в Нечерноземной полосе России, где пустующие земли могли бы послужить основой для развертывания новых форм производства, о необходимости многообразия хозяйственных форм, создаваемых реформой в соответствии с местными условиями и волею тружеников деревни, о поэтапной перестройке отношений между государством и колхозно-совхозным производством как основе для включения последнего в рыночную экономику и последующую органическую, спонтанную, самостоятельную трансформацию. Наконец, хотя речь шла о будущей реформе, начался практический поиск новых форм сельскохозяйственного производства, в большей мере отвечающих требованиям рынка, прежде всего личной заинтересованности работников в результатах труда. Причем этот поиск охватывал как организацию труда внутри колхозов и совхозов, так и создание индивидуально-семейных хозяйств фермерского типа. Весьма перспективными были, например, проекты развития фермерских хозяйств с участием добросовестных зарубежных организаций — французских, голландских, американских и др. Некоторые из этих проектов уже начинали практически осуществляться.

Во всяком случае, как у сталинского руководства при проведении "сплошной коллективизации" не было права оправдываться ссылками на "новизну" хозяйственных форм, на "неизведанность путей", на "сопротивление классового врага" (= консервативных сил), так и у руководства постсоветской аграрной реформы нет никаких оснований для подобных оправданий. На самом же деле в обоих случаях с *самого начала все было известно*.

Правда, нельзя забывать, что уже в 1990—1991 гг. и в прессе, и на разных обсуждениях стала быстро нарастать демагогическая пропаганда "обвальной", т.е. катастрофической, перестройки сельского хозяйства на частнособственнической основе. Не была исключением и Комиссия по вопросам аграрной реформы, формальным руководителем которой считался М.С.Горбачев (фактическим был М.С.Строев). На единственной встрече с членами Комиссии, среди которых был и автор этих строк, Горбачев поделился лишь сожалением: нет у него такого орудия аграрной реформы, какими обладал Столыпин, — землеустроительных комиссий... Идеализированный, раскрашенный в светлые тона образ Столыпина витал и продолжает витать над аграрной реформой Горбачева — Ельцина, не предвещаая ей ничего хорошего.

Все же тогда говорилось и о реальном опыте истории, с достаточной убедительностью показывающем, что попытки форсированного проведения сверху аграрной реформы с неизбежностью приведут к результатам, сопоставимым с результатами "сплошной коллективизации". (Теперь многие говорят, что к еще худшим!) Столыпин, как известно, просил у истории для осуществления аграрной реформы 20 лет, а ведь он не останавливался перед силовыми приемами. К тому же столыпинская реформа вовсе не предполагала всеобщую унификацию форм сельскохозяйственного производства в масштабах огромной страны, отличающейся крайним разнообразием

природных, экономических и социокультурных условий. Правовые порядки отнюдь не демократической России не исключали возможность создания таких форм хозяйства и землепользования, которые реформой вовсе не предусматривались, например коллективных.

Столыпинская аграрная реформа — и это общепризнанно — была призвана произвести расчистку крестьянских земель от "слабых" в пользу "сильных" и ускорить таким образом капиталистическую перестройку сельского хозяйства России. Беднейшие слои сельского населения обрекались на массовое разорение, на безработицу и бездомность. Этот социальный результат реформы выявился очень скоро и стал предметом внимания и заботы не только социалистов.

В начале сентября 1913 г. в Киеве состоялся I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, собравший агрономов, ученых-экономистов, земских деятелей, правительственных чиновников, предпринимателей и др. Программа съезда охватывала основные проблемы аграрного развития России, и тем не менее в ней нашлось место, причем в числе первоочередных, для доклада А.Н.Минина "Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте". Больше того, съезд принял по этому докладу решение, с которым полезно познакомить современников постсоветской реформы. Подчеркивая, что задачей агрономии является "обслуживание всех слоев земледельческого населения", съезд признавал сосредоточение ее сил на обслуживании "по преимуществу относительно обеспеченных земель слоев населения", поскольку они "являются наиболее способными к сельскохозяйственному прогрессу". Тем не менее съезд обращал внимание на необходимость решения проблем, возникших перед беднейшими слоями деревни: "Группы мельчайших хозяйств включают в себя главную по численности часть сельскохозяйственного населения... создание устойчивости в материальном положении этих групп составляет вопрос первейшей государственной важности, развитие же обрабатывающей промышленности не дает надежды на безболезненное поглощение обезземеливающегося населения". Поэтому съезд считал "настоятельно необходимым принятие ряда мер широкого социально-государственного характера, направленных к приданию хозяйственной устойчивости названным группам хозяйств". В качестве главнейших мер назывались расширение и упорядочение земельного обеспечения, организация широкого кредита, "специально приспособленное" к нуждам бедняцких хозяйств агрономическое обслуживание. Постановление Всероссийского сельскохозяйственного съезда заканчивалось следующим обращением к агрономическим и землеустроительным органам, к правительству: "Одно из первых мест должна занять организация товариществ для совместного использования земли как собственной, так и особенно арендной, путем коллективной обработки ее. Роль землеустройства в отношении этих товариществ должна заключаться в выделении при разверстывании земель маломерных участков к одному месту и возможно ближе к селениям, на что Съезд обращает внимание правительств-

ва. Роль же агрономии будет состоять в самой широкой пропаганде самой идеи товариществ и в проведении ее в жизнь"*.

Как актуально звучит призыв в наши дни (не только, конечно, в "колхозной" части) — не забывать о судьбе тех, кого аграрная реформа выбрасывает из жизни! ("Сплошная фермеризация" выбросит из современного сельского хозяйства очень большую часть занятого в нем населения и тем самым возвратит деревню к социальным проблемам начала XX в.)

Главным фактором провала современной аграрной реформы в России явилась сама политика реформаторов — бездумная, деструктивная. Открыто враждебное отношение к действующим формам сельскохозяйственного производства, требование их ускоренной ликвидации находили выражение в ограничении кредитов и материально-технического снабжения, усилении налогообложения, бесчисленных практических помехах, растаскивании земель и имущества... Это были удары не просто по колхозам и совхозам, а по сельскому хозяйству в целом, по населению страны, по самой реформе. Но и фермерские хозяйства — позитивная программа реформы — не нашли реальной поддержки у государства — ни материально-технической, ни организационной, ни агрономической. Если не говорить о "номенклатурных фермерах", которые умеют позаботиться о себе сами за чужой счет, то большая часть крестьян, пытающихся создать индивидуально-семейное хозяйство, оказалась брошенной на произвол судьбы и чувствуют себя на грани финансового краха. Выходцы из колхозов "держатся на плаву" благодаря производственным связям с ними, а подчас возвращаются в их состав. В условиях "всеобщей фермеризации" прекратились даже начатые перед этим опыты по созданию фермерских хозяйств с участием иностранных организаций**. Для реформаторов новые формы производства в сельском хозяйстве оказались глубоко безразличными***.

Приведем сведения и о перерегистрации старых форм производства. Из неполных 26 тыс. колхозов и совхозов около 2 тыс. до сих пор этого не сделали, 8 тыс. сохранили прежний статус (вместе они составляют около 40 %), 11 тыс. (около 43 %) объявили себя товариществами с ограниченной ответственностью, что считается лишь формальным переименованием, 2,3 тыс. (около 9%) стали сельскохозяйствен-

* Труды 1-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1—10 сентября 1913 г. Постановление съезда. Киев, 1913. Вып. 1. С. 4—5.

** См.: *Коновалов В.* Эксперимент показал: мы живем не в Голландии // Известия. 1993. 21 августа.

*** Мы сознательно отказались от использования в докладе каких-либо количественных показателей "перестройки" сельского хозяйства — настолько они неполны, условны, недостоверны. Статистические публикации отсутствуют. По разрозненным же соображениям прессы можно было бы привести следующие данные на осень 1993 г.: общее число индивидуальных хозяйств, называемых фермерскими, на территории Российской Федерации превысило 260 тыс., их земельная площадь — 11 млн. га, посевная — около 6 млн га. Средний размер такого хозяйства составляет 42 га всех земель, 22 га посева. Их удельный вес в производстве определяется разными величинами — 2%, 3% и более, но реальнее самые малые из этих величин.

ными кооперативами и акционерными обществами, которые представляют собой переходные формы. Лишь 972 колхоза и совхоза (меньше 4%) превратились в ассоциации фермерских хозяйств.

Однако судьба аграрной реформы лишь частный случай в отношении нынешнего руководства ко всему, что происходит в стране (кроме, разумеется, власти). "Обвальная" экономическая реформа, проводимая по рецептам "чикагской школы", означала катастрофический распад всех отраслей народного хозяйства, но тяжелее всего она ударила именно по сельскому хозяйству.

Освобождение цен на товары и услуги не только не устранило, но еще больше усилило неэквивалентность обмена между городом и деревней, поскольку государство продолжает назначать цены на сельскохозяйственную продукцию. Оглашенные Аграрным союзом России данные потрясают: за 1992—1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко — в 63 раза... но на бензин — в 324 раза, на трактор К-700 — в 828 раз, на трактор Т-4 — в 1344 раза... Исторические оковы на сельском хозяйстве России не только не сняты, но неизмеримо потяжелели. Есть, конечно, и обратный результат: с осени 1993 г. стали останавливаться тракторные заводы и заводы сельскохозяйственного машиностроения. Под вопрос поставлены сельскохозяйственные работы будущего года. (Сокращавшееся за последние годы снабжение деревни новой техникой уже привело к тому, что, например, в составе используемых комбайнов 2/3 отработали по 7 и более лет.)

Не менее разрушительной для российского сельского хозяйства во всех его формах оказалась неоплата государством сданной ему сельскохозяйственной продукции. На 10 декабря 1993 г. долг государства крестьянам составил 1 триллион 800 миллиардов рублей*. Этих средств было бы достаточно, чтобы сохранить уровень производства, имевшийся на 1990—1991 гг., не допустить снижения оплаты труда в 2—3 раза, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства и т.п.

Все формы сельского хозяйства стали убыточными. Начался катастрофический спад производства. По сравнению с 1990 г., в России ныне производится 40% зерна, 45% растительного масла, 50% мясопродуктов, 53% молокопродуктов...** Особенно резкое сокращение наблюдается в животноводстве: поголовье скота и его продуктивность упали до уровня 60-х — начала 70-х годов. На глазах беспомощных работников гибнут птицефабрики и животноводческие комплексы, строившиеся в 60—80-х годах. Дальнейший спад в растениеводстве рядом экспертов связывается с появлением нового фактора — с возникшим недостатком посевного материала. Многие хозяйства остались вообще без семян (1 110 из бывших колхозов и совхозов) или заготовили их в пределах 60% потребности (2 100)***.

Все это происходит в относительно благополучные в природном отношении годы, без стихийных бедствий и войны! Перед обществом

* См.: В Минсельхозе подготовлен доклад об очередной катастрофе в сельском хозяйстве // Новая ежедневная газета. 1993. 22 декабря.

** Финансовые известия. 1993. 20—26 августа.

*** Новая ежедневная газета. 1993. 22 декабря.

возникла *проблема выживания*, когда никакие реформы уже невозможны.

Иногда можно слышать, что положительным результатом аграрной реформы является рост мелкого индивидуального производства (личные подсобные хозяйства колхозников и работников совхозов, садово-огородные участки горожан и проч.), ставшего заметным источником снабжения населения картофелем и овощами. По данным за 1993 г., индивидуальный сектор в целом имеет примерно 20% пашни, производит до 80% картофеля, до 55% овощей, до 36% мяса, до 31% молока. В действительности распространение мелкого индивидуального производства на деле является результатом — и свидетельством! — разрушения крупного товарного производства и общего кризиса в сельском хозяйстве, откатывания его назад — к семейно-потребительскому уровню. Нет ничего хорошего для развития общества в том, что каждый его член должен выращивать для себя и своей семьи картофель, овощи... Аграрная реформа призвана обеспечить не возвращение к мелкому и мельчайшему натурально-потребительскому производству, а движение вперед — к современным формам крупного производства, способным к динамичному развитию в постоянно меняющихся производственно-технических условиях конца XX — начала XXI в.

Свидетельством провала не только первоначального замысла аграрной реформы, но и самой ее сущности является указ от 27 октября 1993 г. "О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России". Об этом говорит прежде всего признание "...многообразия форм собственности на землю, равноправного развития различных форм хозяйствования, самостоятельности сельских товаропроизводителей и усиления государственной поддержки агропромышленного комплекса". Об этом говорит и согласие с тем, что выделение земельных участков в натуре должно проводиться "с учетом требований рационального и компактного землепользования..." Можно было бы воскликнуть: "Наконец-то, реформа обретает "человеческое лицо!" Наконец-то, работники сельского хозяйства становятся творцами новых форм жизни!..." Однако в деревне указ не вызвал доверия, ибо скроен он по модели "троянского коня", ибо его сердцевина, его сверхзадача состоит именно в разрушении объявленных равноправными различных форм хозяйства. Указ объявляет: "Каждому члену коллектива... которому земля принадлежит на праве общей собственности... выдается свидетельство на право собственности на землю... с указанием площади земельной доли..." Этим свидетельством член коллектива может воспользоваться в любой момент "без согласия других собственников" для ведения индивидуального хозяйства, "сдачи в залог и аренду", обмена, получения "стоимостного выражения" (продажи?) и многого другого. На всех языках мира меры такого рода называются развязыванием "низменных страстей", а в нашем случае — еще и форсированием разрушения сельскохозяйственного производства.

Реформа в сфере сельского хозяйства необходима, однако речь должна идти о всеобъемлющей реформе аграрных отношений в стране, требующей огромной созидательной работы на протяжении достаточно продолжительного времени. Целеустремленная и опирающаяся на широкую поддержку со стороны государства (не только кредиты, но и обеспечение производства современной техникой, строительство инфраструктуры и т.п.) реформа даст положительный результат лишь при условии полной свободы выбора форм хозяйства (семейно-индивидуальных, мелкогрупповых, крупных коллективных и др.). Быстрых успехов не будет, поскольку потребуются годы только на восстановление потерь 1991—1993 гг.

Конечно, нельзя исключить и наихудший из возможных вариантов развития: установление режима диктатуры и радикализацию провалившихся реформ, в том числе аграрной, с помощью насильственных мер... Результатами этого будет резкое усиление социальных потрясений, полный распад сельскохозяйственного производства и моровой голод, от которого не спасут Россию ни фермеры штата Айова, ни ковбои Middle West'a.